

Основные социально-культурные контексты формирования электронного правительства*

Е.Г. Дьякова

Институт философии и права Уральского отделения РАН
gf-urfo@bk.ru

Аннотация

В статье проанализированы основные контексты перехода к электронному правительству в России: формирование нормативно-правовой базы, а также готовность исполнителей и пользователей.

Термин «электронное правительство» (e-government) является неотъемлемым элементом современного элитарного дискурса и приобрел глобальный статус. Перевод государственных услуг в электронный формат осуществляется как в развитых, так и в развивающихся странах мира, и является одной из приоритетных целей Организации Объединенных Наций. В соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2001 г., регулярно проходят Всемирные встречи по информационному обществу, одним из направлений которых (С7), является дискуссия между всеми заинтересованными сторонами (stakeholders) по вопросам формирования электронного правительства. Так, на Форуме Всемирной встречи по информационному обществу 2011 г., обсуждался вопрос о том, как повысить эффективность и подотчетность государственного управления, прозрачность оказания государственных услуг и вовлеченность граждан в решение политических проблем, используя информационно-коммуникационные технологии. Особое внимание было обращено на необходимость обеспечить широкий доступ к услугам и информации всех слоев населения, для чего необходимо постоянно учитывать политические, социально-экономические и культурные контексты, в которых реализуются стратегии перехода к электронному правительству [22, с. 56].

Это положение тем более важно, что, как показал Р. Хикс, до 85% проектов в данной сфере оказываются невостребованными. По его мнению, главной причиной провалов электронного правительства является разрыв между замыслом и реальностью («design-reality gap»). При создании архитектуры электронного правительства разработчики исходят исключительно из жестких требований технической рациональности и удобства, в то время как пользо-

ватели этих систем ориентированы на «мягкие» ценности: «когда «жесткие» решения в сфере электронного правительства сталкиваются с «мягкой» реальностью, вероятность неудачи резко возрастает» [20, с. 5]. Поэтому решения в сфере электронного правительства должны не заимствоваться («adopt»), какими бы удачными они не казались, а целенаправленно приспособляться к существующим контекстам («adapt») [20, с. 10].

Сказанное об учете социальных, культурных, политических и пр. контекстов, в рамках которых происходит внедрение в государственное управление информационно-коммуникационных технологий, в полной мере относится и к нашей стране. Следует учесть, что такие контексты влияют на эффективность не только технических решений, но и на всего спектра решений, определяющих формирование новых структур взаимодействия сотрудников органов власти и между собой, и с гражданами. В первую очередь касается правовой базы, обеспечивающей предоставление государственных услуг в электронном виде, вводящей их правовое пространство и делающей их юридически значимыми.

В России такая база создается с 1995 года, когда был принят первый, так называемый «трехглавый» федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информатизации и информационных ресурсах», в котором была сделана первая попытка определить основные направления деятельности государства в сфере информатизации и права субъектов в информационной сфере [1]. Это дальнейшее развитие шло очень неравномерно, то замедляясь, то ускоряясь, и сопровождаясь традиционными российскими проблемами, связанными со стремлением ограничиться постановлениями и распоряжениями там, где нужен закон, или, напротив, приняв закон, игнорировать необходимые подзаконные акты, что делает его практически не действующим.

В качестве примера можно сослаться на законодательное оформление функционирования официальных сайтов органов власти. Первоначально их создание регулировалось постановлением Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и исполнительных органов государственной власти» [11], в котором содержался перечень сведений о деятельности органов власти, обязательных для размещения в информационно-коммуникационной сети Ин-

Труды XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2011), Санкт-Петербург, Россия, 2011.

тернет. То, что подзаконный акт долгое время заменял и закон, и государственные стратегии, и концепции, весьма типично для отечественной управленческой практики, в которой бюрократическая рационализация вовсе не требует законодательного оформления. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [18], который начал разрабатываться в 2002 г., был одобрен на заседании Правительства РФ в 2005 г., и принят только в феврале 2009 г. Медлительность в принятии этого закона еще раз свидетельствует о том, что переход к «электронному правительству» - это не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной культурной составляющей.

Устойчивость отечественных ментальных установок, ориентированных на поддержание режима закрытости и непрозрачности принимаемых решений, приводит к тому, что разработанные в рамках данных установок законы также оказываются неработающими. В этом смысле весьма характерен обмен мнениями, состоявшийся 29 апреля 2011 г. на встрече президента РФ Д.А. Медведева с представителями Интернет-сообщества, в ходе которой обсуждался федеральный закон № 152-ФЗ от 26 июля 2007 г. «О персональных данных» [16], принятый в свое время для того, чтобы привести законодательство в соответствии с требованиями Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». Его вступление в полную силу неоднократно переносилось, в том числе и потому, что по назначению министра массовых коммуникаций и связи РФ И.О. Щеголева, выполнение всех требований по обеспечению операторов персональных данных максимальной степенью защиты обошлось бы в несколько процентов ВВП. Как подчеркнул в ходе обсуждения Д.А. Медведев, «у нас охранительные представления очень сильны, они просто впитаны, что называется, с молоком матери. И любой государственный орган, даже весьма либерально настроенный, всё равно занимает охранительную позицию», что и отразилось в формулировках закона «О персональных данных» [14].

Можно говорить и о других проблемах, связанных с формированием законодательства в сфере перехода к электронным государственным услугам. В отечественном законодательстве до сих пор отсутствует базовое понятие «электронный документ», хотя закон «Об электронном документе» был внесен в Государственную Думу РФ еще в декабре 2000 года (проект ФЗ № 39828-8). Однако работа по формированию электронного правительства, безусловно, движется вперед.

В феврале 2008 г. была утверждена «Стратегия развития информационного общества в России» [15], в соответствии с которой к 2015 году 100% государственных услуг должны оказываться в электронном формате. В ноябре 2009 г. появился «План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и

исполнение государственных функций в электронном виде», в который были включены 73 базовые государственные услуги, которые к 2015 году необходимо перевести в электронный вид [10]. К 2010 г. была завершена работа над Государственной программой «Информационное общество 2011 – 2020», которая сменила федеральную целевую программу «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» в качестве основного механизма финансирования процессов перехода к электронному правительству. Были приняты два важнейших закона: федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [18] и федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [17], которыми регулируются предоставление государственных и муниципальных услуг в электронной форме. В апреле 2011 г. в новой редакции был принят федеральный закон Российской Федерации «Об электронной подписи» (№ 63-ФЗ от 06 апреля 2011 г.) [19], в котором впервые определены три основных вида электронной подписи: простая, усиленная и квалифицированная. Кроме того, вышло множество постановлений и распоряжений Правительства РФ, которые регулируют самые разные аспекты межведомственного электронного взаимодействия, и количество которых продолжает нарастать такими темпами, что специалисты по информатизации жалуются, что не успевают их все осмыслить.

Параллельно с формированием нормативно-правовой базы ведется работа по созданию самих структур электронного правительства. С декабря 2009 г. действует Портал государственных услуг <http://www.gosuslugi.ru/>, позволяющий через «Личный кабинет» получать государственные услуги неполного цикла. (В апреле 2011 г. появился его «двойник» по адресу <http://epgu.gosuslugi.ru/>, где отрабатывается новый, более удобный для пользователей дизайн).

К апрелю 2011 г. было зафиксировано 55 миллионов обращений на Портал. С апреля 2010 г., когда появилась такая возможность, зарегистрировали на Портале свои «Личные кабинеты» 500 000 пользователей (0,3% населения России), которым было предоставлено около 680 000 услуг (преимущественно информационного плана). Утверждается, что по 26 видам услуг пользователи могут проследить ход исполнения (что соответствует четвертой стадии развития электронного правительства в соответствии с принятым в «Плане перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде»), а 12 видов услуг доступны гражданину непосредственно на Портале. Это такие услуги как регистрация граждан России по месту пребывания и жительства в пределах РФ, предоставление библиографической информации из государственных библиотечных фондов, предоставление официальной статистиче-

ской информации по запросам граждан и организаций, предоставление сведений об административных правонарушениях в области дорожного движения [7]. Однако заявлять на этом основании, что Россия перешла на высший, пятый уровень оказания государственных электронных услуг, на наш взгляд, несколько преждевременно.

Порталы государственных услуг формируются и на региональном уровне. В основном они оказывают услуги на уровне первой и второй стадии перехода к электронному правительству. При этом часть регионов использует типовое решение, предлагаемое единым национальным оператором инфраструктуры электронного правительства ОАО «Ростелеком», которое интегрировано с федеральной инфраструктурой электронного правительства, в том числе с системой единой идентификации и системой межведомственного электронного взаимодействия. В Уральском федеральном округе пилотным регионом для внедрения данного решения стала Свердловская область. Единый портал государственных и муниципальных услуг Свердловской области <http://pgu.midural.ru/> уже приступил к предоставлению таких услуг, как запись на прием к врачу, прием заявлений, постановка на учет и зачисление детей в детские сады, предоставление компенсаций расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг [9].

Другие регионы занимаются строительством инфраструктуры электронного правительства самостоятельно. Например, в Тюменской области в рамках мероприятий долгосрочной целевой программы «Основные направления развития информатизации в Тюменской области (Электронная Тюменская область) на 2010-2012 годы» активно формируется система межведомственного взаимодействия для оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде «ТУРА», интегрированная региональная информационная система здравоохранения, информационная система «Социальный паспорт жителя Тюменской области» и т.п. На сайте «Государственные и муниципальные услуги Тюменской области» <http://uslugi.admtymen.ru/> можно подписаться на информирование о плановых отключениях воды, тепла, электричества, узнать свою задолженность по административным штрафам, получить разрешение на строительство и записаться на регистрацию брака. Для жителей города Тюмени доступна возможность получения через Интернет информации об успеваемости ребенка и организации его досуга, об участковом уполномоченном, об управляющей компании и многое другое.

Таким образом, в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде наметился явный прогресс, хотя, повторим еще раз, ситуацию не стоит идеализировать. Так, в соответствии с требованиями ст. 7. гл.2. федерального закона № 210-ФЗ, органы, предоставляющие соответствующие услуги, с 1 июля 2011 были обязаны обеспечить возможность получения заявителем государственной или муниципальной услуги в элек-

тронной форме, предоставлять информацию в иные органы по межведомственным запросам, и прекратить требовать от граждан представления документов и информации, которые находятся в распоряжении иных государственных органов [17]. Однако в июне 2011 г. Государственной Думе пришлось перенести срок действия этого положения с 1 июля 2011 г на 1 июля 2012 г. Хотя ОАО «Ростелеком» подключил к общей системе межведомственного электронного взаимодействия все региональные сегменты (в настоящее время ее производительность составляет 150 000 запросов в сутки при имеющемся 15-кратном запасе), органы власти оказались не готовы к электронному обмену официальной информацией. Выяснилось, что в каждом субъекте федерации и каждом муниципальном образовании имеется свой, специфический перечень услуг, которые оказываются гражданам, и эти перечни очень плохо коррелируют между собой. Еще одна проблема – крайняя сложность процессов сбора информации. Например, для регистрации каждого транспортного средства МВД должно будет получать через систему межведомственного электронного взаимодействия 13 справок от девяти федеральных органов исполнительной власти [4].

Тем самым не только еще раз подтвердился вывод о необходимости оптимизации административных процессов как предпосылке успешного перехода к электронному правительству. Пока «мягкие» управленческие традиции, в полном соответствии с тезисом Р. Хикса, мешают рационализации государственного управления в сторону повышения его оперативности, эффективности и прозрачности для граждан.

Если перейти к более широкому контексту, то мы вновь сталкиваемся с проблемами носителей «мягких» ценностей, с трудом адаптирующихся к предлагаемым техническим усовершенствованиям. Мы имеем в виду процесс освоения электронных государственных услуг гражданами. Как показывает мировой опыт, недостаточно обеспечить предложение электронных услуг: нужно, чтобы был сформирован соответствующий спрос со стороны граждан. Подход «дайте им и они возьмут» в сфере «электронного правительства» не работает. Поэтому необходимо четкое понимание того, какие сегменты населения уже сейчас готовы к использованию электронных услуг, а какие рассматривают электронное правительство как не имеющую отношения к ним перспективу.

Мы проанализируем ответ на этот вопрос на основе материалов комплексного социологического исследования, проведенного под совместным руководством Е.Г. Дьяковой и А.Д. Трахтенберг, в Уральском федеральном округе в июне 2010 г. Опрос состоялся в шести субъектах федерации, входящих в состав УФО: Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областях, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре и Ямало-Ненецком автономном округе. Объем выборки

Таблица 1. Распределение пользователей по отношению к электронному правительству (Уральский федеральный округ, июнь 2010 г.)

Основные группы:	% от числа опрошенных
активные сторонники	16,5
последователи	30,3
активные противники	48,2
не определившиеся респонденты	5,0

– 1 500 человек. Территориальная многоступенчатая выборка была реализована методом стандартизованного телефонного интервью. Более подробно результаты первого этапа исследования представлены в [3].

В ходе исследования были зафиксированы три основные группы пользователей, различающихся по их отношению к электронному правительству:

1. «Активные сторонники»: в эту группу вошли респонденты, заявившие, что они уже сейчас готовы взаимодействовать с органами власти только в электронном виде.

2. «Последователи»: респонденты, которые сообщили, что готовы взаимодействовать с органами власти как в электронном виде, так и лично – в зависимости от конкретной ситуации.

3. «Активные противники» - респонденты, которые указали, что предпочитают взаимодействовать с органами власти только лично.

Распределение пользователей по основным группам представлено на Таблице 1: Как видно из таблицы, пока активные сторонники перехода к электронному правительству составляют явное меньшинство.

Как и следовало ожидать, чем лучше респонденты владеют навыками пользования Интернетом и компьютером, тем выше вероятность, что они станут сторонниками получения государственных услуг в электронном виде: в группе тех, кто заявил, что уверенно пользуется и тем, и другим, доля активных сторонников составила 25,2%, а в группе тех, кто признался, что чувствует себя в Сети неуверенно и нуждается в помощи – 12,5%.

В целом самый высокий уровень готовности к электронному правительству продемонстрировали наиболее социально адаптированные и успешные члены общества – мужчины с высшим образованием и высокими доходами, занимающие руководящие должности или являющиеся работниками умственного труда. Самый низкий уровень готовности был характерен для представителей социально незащищенных слоев населения: пожилых, малообразованных пенсионеров с низкими доходами.

Особый интерес представляет распределение сторонников и противников перехода к электронному правительству по субъектам федерации, входящим в состав Уральского федерального округа – см. Таблицу 1.

Как видно из Таблицы 1, наибольший интерес к получению государственных услуг в электронном виде проявили респонденты из Ханты-Мансийского

автономного округа – Югры: в этой группе свыше половины опрошенных (55,6%) выразили желание использовать Интернет при обращении в органы власти, причем половина из них (28,4%) предпочла бы действовать только через Интернет. Отметим, что среди других субъектов федерации Югра выделяется очень высокой долей молодежи (только 5% проживающих в автономном округе достигли пенсионного возраста) и высоким уровнем доходов, значительно превышающим средний по России. Достаточно значительной является в Югре и доля домохозяйств, имеющих компьютеры, подключенные к Интернету (несмотря на высокие тарифы), а также имеющих навыки пользования Сетью.

Близкие показатели по уровню заинтересованности в электронных государственных услугах были зафиксированы и для жителей Ямало-Ненецкого автономного округа и Тюменской области. В этих субъектах федерации доля тех, кто хотел бы использовать Интернет, превышает долю тех, кто желает общаться с представителями органов власти только лично (соответственно 52,4% и 55,2%). В социально-демографическом плане ЯНАО достаточно близок к Югре. В то же время для юга Тюменской области характерна гораздо более традиционная структура населения. Высокая доля сторонников электронного правительства может быть связана с активными усилиями Правительства области по внедрению государственных электронных услуг и повышению компьютерной грамотности населения: в соответствии с рейтингом субъектов Российской Федерации по уровню внедрения электронного правительства именно Тюменская область является лидером Уральского федерального округа [13].

В Свердловской и Курганской областях явно преобладают сторонники личного общения с чиновниками. Если ситуация в Курганской области может быть связана с высокой долей среди населения пенсионеров (свыше 30% от общего числа жителей области), в том числе малообеспеченных сельских пенсионеров с невысоким уровнем образования и отсутствием доступа к Интернету, то причины, по которым в Свердловской области, являющейся пилотным регионом по построению архитектуры электронного правительства (см. выше), так высока доля противников электронного правительства, остались не проясненными. Возможно, отчасти это объясняется слабой осведомленностью жителей области о том, что у них появилась возможность получать целый набор услуг в электронном виде.

Таблица 2. Распределение сторонников и противников перехода к электронному правительству по субъектам федерации, входящим в состав Уральского федерального округа

Основные группы...	Субъект федерации*						% от числа опрошенных
	СО	ЧО	КО	ТО	ХМАО - Югра	ЯНАО	
активные сторонники	16,4	13,2	10,4	18,0	28,4	14,4	16,5
последователи	20,4	34,0	26,8	34,4	27,2	40,8	30,3
активные противники	54,8	47,2	58,8	41,6	42,0	41,2	48,2
не определившиеся респонденты	8,0	5,6	4,0	5,0	2,4	3,6	5,0

Примечание: СО – Свердловская область, ЧО – Челябинская область, КО – Курганская область, ТО – Тюменская область, ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ.

Таблица 3. Ожидание снижения уровня коррупции в зависимости от перехода к электронному правительству

Согласны с тем, что переход к электронному правительству приведет к снижению коррупции...	Отношение к электронному правительству				% от числа опрошенных
	Активные сторонники	Последователи	Активные противники	Не определившиеся	
полностью согласны	23,4	14,6	10,9	10,7	14,0
в общем согласны	36,9	42,0	35,4	28,6	37,6
Итого:	60,3	56,6	46,3	39,3	51,6
в общем не согласны	16,7	25,1	17,6	7,1	19,6
не согласны совсем	16,7	13,5	23,7	21,4	19,2
затруднились ответить	6,3	4,8	12,3	32,1	9,6

Как показал опрос, именно в Свердловской области оказалась самая высокая доля тех, кто не слышал о том, что в России начался переход к электронному правительству (41,6%; для сравнения – в Тюменской области таких респондентов только 23,6%).

Челябинская область занимает промежуточную позицию между Тюменской областью и автономными округами и остальными субъектами федерации, входящими в состав Уральского федерального округа (готовы использовать Интернет при обращении в органы власти 47,2% опрошенных).

В целом можно сделать вывод о том, что наряду с социально-демографическими факторами, на уровень готовности пользоваться электронными услугами влияет еще и то, какое внимание региональные власти уделяют данному вопросу и насколько активно они пропагандируют новые возможности получения государственных услуг.

Высокий уровень готовности пользоваться электронными государственными услугами сочетается с надеждой на то, что переход к электронному правительству будет способствовать снижению уровня коррупции (см. Таблицу 3).

Как видим, активные сторонники перехода к электронному правительству в 1,5 раза чаще, чем активные противники соглашались с мнением, что внедрение электронных государственных услуг приведет к снижению коррупции.

Отметим также, что чем выше у респондентов уровень заинтересованности в государственных электронных услугах, тем выше вероятность, что они слышали о федеральном законе № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [17], который на момент опроса был основным законодательным актом, регулирующим предоставления государственных электронных услуг. Среди активных сторонников доля тех, кто многое слышал о данном законе, оказалась в два раза выше, чем среди активных противников (см. Таблицу 2)

Однако в целом уровень осведомленности о данном законе оказался достаточно низким: многое слышали о нем не более 5% опрошенных, еще около трети заявили, что слышали кое-что (это, скорее всего, означает, что им смутно знакомо название закона), а остальные вообще не знают о его существовании.

Таким образом, при переходе к электронному правительству была зафиксирована тенденция, неоднократно описанная при изучении освоения любых технологических нововведений: они распространяются в обществе «сверху вниз», от представителей элиты (образованных и обеспеченных слоев общества) ко всем остальным (применительно к ИКТ данный феномен еще в 2000 году был подробно описан Пиппой Норрис [20]). Больше всего сторонников электронного правительства оказалось в

самых благополучных в экономическом плане регионах Уральского федерального округа – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, меньше всего – в экономически депрессивной Курганской области, где среди населения очень высока доля пенсионеров с низким уровнем доходов.

Проведенный анализ показывает, что формирующийся спрос на электронные услуги нуждается в направленной коррекции со стороны того, кто эти услуги предлагает, т.е. со стороны государства.

Представители социально-незащищенных слоев населения объективно нуждаются в государственных услугах не меньше, чем представители элитных групп. Чтобы изменить ситуацию, необходима целенаправленная работа по вовлечению в сферу электронного правительства пенсионеров, лиц, занятых физическим трудом и т.п. Данный вывод подтверждает положение, высказанное Президентом РФ Д.А. Медведевым на Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. Президент особо подчеркнул, что необходимо работать со страхами и неуверенностью граждан, вовлекая их в сферу электронного правительства [8].

Определенная работа в этом направлении в Уральском федеральном округе уже ведется. Так, с 2006 г. в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре реализуется проект «Электронный гражданин», направленный на обучение социально-незащищенных слоев населения основам компьютерной грамотности по стандарту Европейского Союза [6]. В Тюменской области с начала 2010 г. работает социальная программа губернатора по повышению компьютерной грамотности «Расширяя горизонты», главной целью которой является успешное функционирование программы «Электронное правительство» [12]. Подготовка аналогичных программ ведется в других субъектах федерации, входящих в состав УФО. Однако очевидно, что одних региональных инициатив недостаточно: необходима общегосударственная программа подготовки граждан к переходу к электронному правительству. Такая программа должна быть ориентирована не только на ликвидацию компьютерной неграмотности, но и на активное разъяснение преимуществ электронного правительства, а также постоянную экспертизу применяемых решений с учетом потребностей граждан. Как показывает мировой опыт, по-настоящему эффективной такая программа становится только в случае объединения усилий государства, бизнеса и институтов гражданского общества. Отсутствие такого объединения чревато хроническим расхождением государственного предложения и общественного спроса.

В мире можно найти множество примеров дорогостоящих проектов в сфере электронных государственных услуг, которые не сработали, потому что не соответствовали существующему уровню компьютерной грамотности, уровню административной компетентности и стратегиям граждан при взаимодействии с органами власти. Хотелось бы

надеяться, что российское электронное правительство не войдет в их число.

Литература

- [1] Бачило, И.Л. История и проблемы становления законодательства в области информатизации // Информационное право. 2005. № 2. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.infolaw.ru/lib/2005-2-informatisation-law>. (Дата обращения: 30 апреля 2011 г.)
- [2] Богданович, И.И. Создание электронного правительства региона на основе тактики использования «лучших практик». Презентация на заседании Совета по региональной информатизации (Москва, 17 марта 2011 г.). [Электронный документ]. Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/common/upload/publication/Bogdanovich.pdf>. (Дата обращения: 30 апреля 2011 г.)
- [3] Дьякова, Е.Г. Электронное правительство и граждане: результаты комплексного социологического исследования в Уральском федеральном округе / Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. – 184 с.
- [4] Логинов, В. Очередь за справкой удлинилась / Логинов В., Коник Л. // ComNews, 22 июня 2011 г. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.comnews.ru/index.cfm?id=61996>. (Дата обращения: 25 июня 2011 г.)
- [5] Курносов, И.Г. Роль государства в формировании информационного общества в России // Сети. 1996. № 2. С. 8 – 16. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=5213. (Дата обращения: 30 апреля 2011 г.)
- [6] Маслова, Н.Р. Состояние и проблемы формирования правовой основы реализации «Стратегии развития информационного общества в России» на региональном уровне // Информационное право. 2009. № 2. С. 21 – 25.
- [7] Массух, И.И. Основные вопросы и задачи формирования электронного правительства в субъектах Российской Федерации. Тезисы доклада на заседании Совета по региональной информатизации (Москва, 17 марта 2011 г.). [Электронный документ]. Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/speak/index.php?id_4=42181. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)
- [8] Медведев, Д.А. Выступление на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. Москва, Кремль, 28 февраля 2011 г. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/10453>. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)
- [9] Обращение Министерства информационных технологий и связи к гражданам Свердловской области. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://it.midural.ru/news/show/id/181>. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)

- [10] План перехода федеральных органов исполнительной власти на предоставление государственных услуг и исполнение государственных функций в электронном виде. Утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 октября 2009 г. № 1555-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.fso.gov.ru/cms/per_uori/per_uori/acts/1002_0.html. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)
- [11] Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 г. № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и исполнительных органов государственной власти» (в ред. Постановления Правительства РФ от 26 декабря 2008 №884). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eos.ru/eos_delopr/eos_law/detail.php?ID=39270&SECTION_ID=685. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)
- [12] Программа губернатора Тюменской области «Расширяя горизонты» - шаг навстречу новым технологиям // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.admtymen.ru/ogv_ru/news/subj/more.htm?id=10556017@egNews. Проверено 15 мая 2011 г.
- [13] Рейтинг субъектов РФ по уровню внедрения электронного правительства на 1 апреля 2011 года // Электронный журнал «Госменеджмент», 22 апреля 2011 г. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://gosman.ru/?news=13777>. Проверено 15 мая 2011 г.
- [14] Стенограмма встречи Президента РФ Д.А. Медведева с представителями Интернет-сообщества. Москва, 29 апреля 2011 г. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/11115>. Проверено 15 мая 2011 г.
- [15] Стратегия развития информационного общества в России. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>. Проверено 15 мая 2011 г.
- [16] Федеральный закон Российской Федерации № 152-ФЗ от 26 июля 2007 г. «О персональных данных». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2006/07/29/personaljnuedannye-dok.html>. Проверено 15 мая 2011 г.
- [17] Федеральный закон Российской Федерации № 210-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/07/30/gosusldok.html>. Проверено 15 мая 2011 г.
- [18] Федеральный закон Российской Федерации № 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html>. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)
- [19] Федеральный закон Российской Федерации № 63-ФЗ от 06 апреля 2011 г. «Об электронной подписи». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/04/08/podpis-dok.html>. (Дата обращения: 15 мая 2011 г.)
- [20] Heeks, R. Most e-Government-For-Development-Projects Fail: How Can Risks Be Reduced. IDPM i-Government Working Paper. №.14. 2003.
- [21] Norris, P. A Virtuous Circle: Political Communications in Postindustrial Societies. Cambridge, 2000.
- [22] WSIS Forum 2011. 16–20 May, Geneva. Programme Brochure. Geneva, 2011.

Main social and cultural contexts of e-government construction

Elena G. Dyakova

The main contexts of e-government transition in Russia (including legal framework development and the degree of citizen readiness for e-government usage) is analyzed.

* В работе использованы материалы, подготовленные в рамках гранта РГНФ «Урал» № 11-13-66005а/У.